

Сегодня исполнилось бы 72 года со дня рождения поэта Александра Галича. В предлагаемой подборке — стихотворения и письма Галича, публикуемые впервые

Открытый всем ветрам

Он вернулся. Красивый, порадостный, блистательный талантливый. Конечно, живой. Мы ведь не хоронили его. Не мы хоронили его.

«Париж. 21 декабря (по телефону). Сегодня, в четверг, в Париже хоронят трагически погибшего Александра Галича. Известие о его кончине облетело буквально весь мир, и из разных стран на имя редактора «Континента» В. Е. Максимова приходят сочувственные телеграммы». Все французские газеты посвятили смерти А. А. Галича много места...

Александр Галич будет похоронен на православном кладбище Сент-Женевьев де Буа, где с годами образовались своего рода «Литераторские мостки» и где похоронены многие русские писатели и поэты... В соборе на рю

Дарю были отслужены две панихиды. Никогда со времени похорон Ф. И. Шляпина в соборе не было такого наплыва молящихся, как на этот раз...» («Новое Русское Слово», 22 декабря 1977 года).

Так прощался с Галичем Париж и весь мир. Родина простилась с ним раньше и по-иному. В аэропорту после более чем тщательного досмотра советский таможенник потребовал снять и оставить натальный крест. Галич отказался. Вылет самолета в Вену был задержан. Все пассажиры уже заняли свои места, а томительные переговоры, звонки «туда» продолжались. Галич сказал: «Раз так, я останусь». Вылет разрешили. Не снятый крест Галич — один — шел на посадку. Высокий, элегантный, легкий, с напряженными от тяжести потерь плечами. С поднятой

высоко над головой гитарой. И в какой-то, предпоследний, момент он обернулся к тем, кто пришел его проводить. Был похож на знак приветствия этот знак прощания.

«Когда я вернусь...». Его никогда не оставляла эта надежда. Отказавшись от гражданства нескольких стран, Галич предпочитал жить с нансеновским паспортом (Норвегия). Пожалуй, никто не знал лучше, чем он сам, насколько непоколебима его привязанность к земле, его изгнавшей. «Опыт ностальгии», «Когда я вернусь...» он написал здесь. Здесь, где столько бывших друзей отягчили души грехом предательства. Где послепродажа с отречениями родня, припрятав все же на всякий случай то, что Александр Аркадьевич оставил в успешных сборах. Где оставались на муки и преодоления

единственная, нежно любимая дочь и мать, которой суждено было пережить сына ровно на два года. Где 19 октября, в его день рождения, появится на свет его единственный внук. Пашенька разойдется с дедом в этом мире на шесть лет. Галич продолжает. Он, как всегда, был прав. Он не мог не вернуться.

Мы часто говорим в запальчивости и заблуждении, что Россия несказанно богата талантами. Это преувеличение. Время так придирчиво и требовательно сортирует наши золотые списки имен, с такой неподкупностью проверяет чистоту и высоту пробы, что нам нет нужды с собой лукавить. Больших мастеров мало, и каждый из них — всего один. Наше сегодняшнее обращение к творчеству Галича подготовлено десятилетиями подпольного просвещения и нравствен-

ного обучения на ощупь. Наше сегодняшнее обращение к этому творчеству обогащено возможностями сравнения и анализа. Зрение и слух наших душ обострены возрастом и опытом. Нам все труднее ошибаться. Нас сразу же поправят собственные дети, повзрослевшие и поумневшие раньше нас.

Какой крупный поэт вернулся. Как свежо, молодо, зрело и современно звучит его глуховатый неповторимый голос. Какие сильные и точные слова подчинены его изысканному поэтическому дару. Как оригинален и непредсказуем ряд образов. Как узнаваема наша благословенная и проклятая жизнь в произведениях этого пророка в своем Отечестве.

Похоже, что любовь — муза и этого поэта. Любовь и доверие к нам, современникам и по-

томкам. Он светел и печален там, где можно было бы замкнуться в злобе. Он ироничен, насмешлив, гневен и открыт. Ему не пришлось прощать маленьким людям их маленькие и большие подлости. Он слишком высок, и очевидно его предназначение. Поэт увидел, угадал и соединил навеки трагическое и смешное, став автором зеркала редкой чистоты и четкости. Приняв тяжесть и боль своей судьбы гордо и безропотно, Галич проложил и облегчил путь многим.

Сердце мое заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И — свистите во все свистки.
Здравствуй, наш поэт. Пусть земля кладбища Сент-Женевьев де Буа будет тебе пухом.

Наталья РАДЬКО

Александр ГАЙ

Рассвет

Деревья, деревья!
Куда ни взгляни.
Все близко и все незнакомо.
Веселые дети, мы бродим
одни.
В лесу незнакомом, как дома.
И пусть разлучают моря и
года.

Когда-нибудь детям
приснится —
Как ели шумели, как пела
вода,
Как плакала дальняя птица...

Великий или Тихий...
И если разлучат моря и года,
Когда-нибудь детям
приснится,
Как ели шумели, как пела
вода,
Как плакала...

Стихотворение из одноактной пьесы «Рассвет», написанной в 1945 году. Гай — один из первых вариантов псевдонима Александра Аркадьевича.

Милой моей

Песня о концерте, на котором я не был

Я замучал себя.
И тебя замучаю.

И не будет — потом — новодевичьей гордости,
Всем друзьям на потеху,
от случая к случаю,
В ожидании благ и в предчувствии горести.
И врага у нас нет.
И не ищем союзника.

У житейских невзгод — ни размеров, ни мощности.
Но, как птичий полет, начинается музыка
Ощущением внезапного чуда
возможности!

Значит — можно!
И это ничуть не придумано,
Это просто вернулось
из детства, из прошлости.
И не надо Равеля...
А Шумана, Шумана,
Чтоб не сметь отличить
гениальность от пошлости!

Значит — можно — в полет — по листе и по наледи,
Только ветра глотнули — и вот уже начато!
И плавать, что антеров не вызовут на люди,
Эта сцена всегда исполняется начерно!..

Что с того нам, что век в непотребностях множится?!
Вот шагнул он к ролю, походную узника,
И теплеет в руках мандаринная кожица.
И теперь я молчу.
Начинается музыка!
15 ноября 1967 г.

Автограф этого стихотворения был передан в комиссию по наследию А. Галича московской художницей в 1988 году.

Послесловие к разлуке

...Зашарпанная телефонная кабина переговорного пункта. В руках у меня зажаты пятнашки. Звоню в Москву — маме. 26 июня 1974 года. Фрунзе. Слышу мамин странный, напряженный голос:

— Как дела? Когда гастроли? Потом еще что-то. И вдруг: — Аленушка, ты не волнуешься, дело в том, ... что Саша... уехал... Тебе письмо... деньги...

Ничего не понимаю. Какой Саша? Куда уехал? Отчего такая непонятная настороженность? Этот день, такой нормальный, обычный. Утром — репетиция, вечером — спектакль. Звоню еще раз, днем. Снова, как в полусне, мамин голос:

— Ты не понимаешь? Отец... Он уехал... Совсем...

До меня наконец доходит — его нет, нет, нет. И я не увижу его больше никогда. Не знаю почему, но я поняла это сразу, так четко и остро, что даже сейчас, когда пишу, начинаю реветь... Забыв бросить очередную пятнашку, прислонившись к грязной стене, плачу, задыхаясь от духоты и пыли, забывшая, где я, ничего не видя вокруг... Ощущение было такое же страшное, как потом, когда он умер. Слово «никогда» отчетливо и долго стучало в голову. Это ощущение я не смогла преодолеть, даже получив его письмо. Он писал:

«Аленушка, родная моя! Прости и постарайся понять меня. Все произошло неожиданно, в страшной спешке и суете. Оставляю тебе немного денег на первое время. При первой же возможности пришло. Меня до сих пор не оставляет надежда, что мы еще обязательно увидимся и все будет хорошо. Низкий поклон твоей маме. Твой отец. 21 июня 1974 года».

Мне не смогли помочь впоследствии утешения бабушки, ее спокойствие. Она была удивительный человек. Нужно было хорошо ее знать, чтобы понимать, чего ей стоит спокойствие. Когда умер дедушка, я впервые увидела плачущего отца. Это было 2 сентября 1968 года. Пришло на похороны много народа. Плакали почти все, кроме бабушки, прожившей с дедушкой 54 года, любившей его безумно с 16 лет.

Бабушка жила на Малой Бронной в нашей с отцом комнате, узкой, как пенал, темноватой. Теперь комнаты этой нет. Квартира есть, а комнаты нет. Дядюшка, проживающий там сейчас, решил расширить кухню, и комнату отца после бабушкиной смерти просто сломал.

Бабушка умерла день в день с отцом, только через два года — 15 декабря 1979 года. Осенью 1975-го она мне показала письмо, пришедшее не по почте, а брошенное в почтовый ящик. Я первый раз видела такое. Печатными буквами, вырезанными из газеты и наклеенными на бума-

ге, оно гласило: «Вашего сына хотят убить». Это письмо хранилось вместе с другими документами в бабушкиной шкатулке красного дерева. Шкатулку мне не отдали. Она осталась в той квартире, где папина комната превращена в кухню.

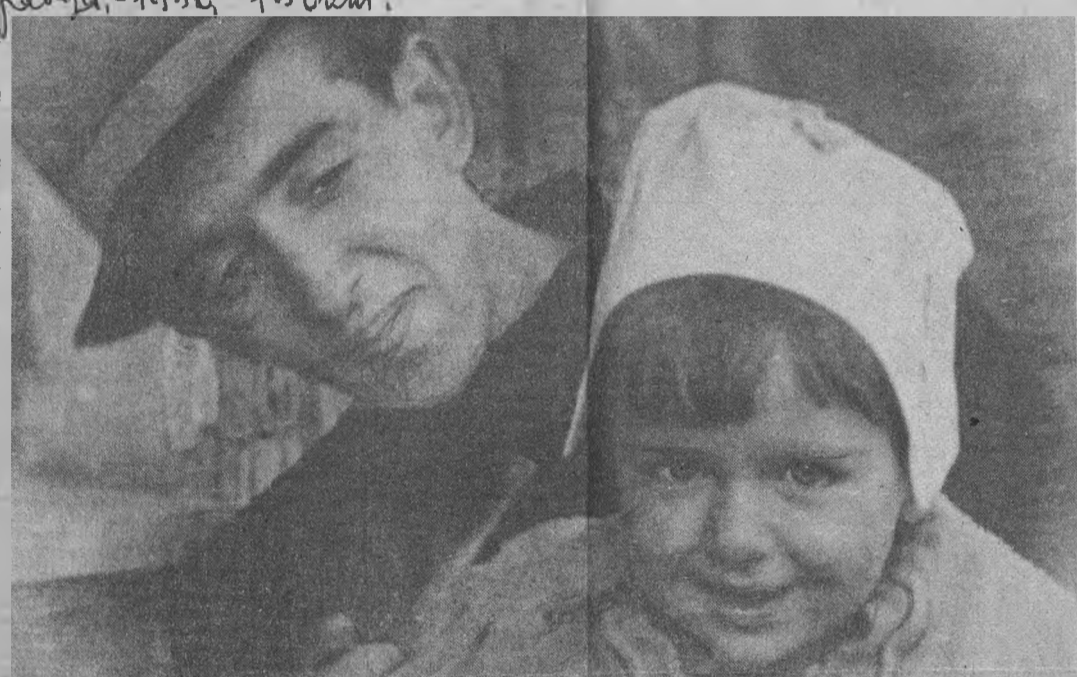
Но как же я хорошо ее помню, эту комнату. Я возвращалась мысленно туда, где всегда горит настольная лампа под зеленым абажуром, где я, маленькой, лежу с вечной ангиной и где совсем молодой человек что-то пишет за письменным столом. У него большие грустные глаза и густые вьющиеся волосы, которые мне безумно нравятся. Когда он говорит, у него всегда серьезный тон, который он не может долго выдержать, и мы время от времени вместе хохочем. Мама в Иркутске. Мы говорим, как нам будет хорошо, когда мы наконец окажемся вместе. Этого не будет никогда. У каждого своя ноша, своя боль... Мою мне не переложить ни на кого, потому что таким, каким помню его я, все равно его никто не помнит.

Отец умел одеваться, умел ухаживать и влюбляться и умел быть преданным. Несмотря на все сложности, что были в жизни, несмотря на неимоверно трудный характер Юши (Ангелина Прохорова — вторая жена отца), он не оставлял ее, был благодарен за все, что она для него сделала. Он воспитывал Юшину дочь Галю... Только потом я поняла брошенное Юшей мне в момент разражения: «Из-за тебя у нас нет детей!». Оказывается, он как-то сказал ей: «У меня Алена, я не выполнил свой долг перед ней, детей больше не надо». Как же она любила его, что даже в этом не стала перечить!

Несмотря на все свои инфаркты, отец всегда напряженно работал, даже будучи больным. Его очень беспокоило то, что меня тогда сердило: «Не дай Бог мне умереть раньше Юши. Она не выдержит. Не могу я ей такого горя доставить». Она пережила его на девять лет...

15 декабря, в день его смерти (и даже в то время), я попала в больницу с гипертоническим кризом, не зная, конечно, что отец умер. Сообщили мне позже. Потом — разговор с Ангелиной Николаевной по телефону и то, что теперь всем известно, — последние слова ей, обстоятельства смерти, некрологи в зарубежной прессе. Это было совсем уже ВСЕ. Теперь хочу лишь того, что приближает меня к нему во времени, что возвращает его домой, — собрать материалы об отце, разбросанные по свету: письма, фотографии. Мне помогают, кто любит папу и ценит. Без вашей помощи — как?

Алена АРХАНГЕЛЬСКАЯ-ГАЛИЧ.

А. Галич с дочерью Аленой. 1945 год.

Из писем первой жене — актрисе Валентине Архангельской

1943 г. май.
Родная моя, любимая!

Только ко второй половине дня добрались до места назначения. Очень измучились, так как дорогу размыло дождем, и мы больше вытягивали машину из грязи, чем ехали. Сейчас уже блаженствуем отдыхаем. Очень меня расстроила весьма долгая почтовая связь. Не грусти, я постоянно думаю о тебе и очень тебя люблю. Писать мне нужно так — 143073 Д. Почтово-полевая связь. Крепко-крепко целую тебя. Твой Саша.

1944 г.
Родной мой, дорогой, очень любимый!

Совсем я со вчерашнего дня извелся! Правда, разговор с врачом несколько успокоил — он сказал, что не видит оснований для волнения и что дня через два смогу тебя забрать. Как ты, любимая? При мысли о том, что тебе холодно и больно, мне и сон не в сон и работа не в работу. Странные мы с тобой, в общем, люди. Вместе тесно, а врозь даже не скучно, а просто невозможно! Напиши, зайчика, очень подробно, все про себя, и что тебе принести завтра! Мы с Аленкой очень крепко тебя целуем, обнимаем и любим. Аленушка сейчас стоит рядом, лопает хлеб и тоже хочет тебе написать! Это же письмо. Ты, конечно, поймешь!
Еще раз крепко тебя целую и обнимаю.
Твой Саша.

Родненький мой, очень любимый!
Как ты, ненаглядная моя? Смотрели тебя, что сказали? Мы с Аленкой очень по тебе скучаем, очень тебя не хватает! А вообще мы здоровы, у нас новое креслице, мы катаемся и па-

даем! Девочка, очень мне стыдно и больно за эти жалкие передачи, но я завтра чего-нибудь добуду получше! Очень тебе голодно, да?..

Ну, ясанька, крепко-крепко целуем и обнимаем тебя.
Твои Саша и Онека.

Москва, 16 марта 1945 г.
Ну, здравствуй в Иркутске, родной мой, горячо любимый человек!

Только что получил от тебя телеграмму о том, что приехала! Любимый мой Валюшонок! Так много нежного и ласкового хочется тебе сказать! Звонил нашим на Басманную, в воскресенье мы условились, что пойдём к ним с Аленкой в гости, на весь день! Аленка у нас просто совершенный вундеркинд! Чувствует она себя хорошо, здоровенькая, веселенькая! Любимым ее развлечением стало стоять возле меня и «мотеть глазками», как я пишу. Со мной она очень дружна и добра — единственный теперь «свой».

Я работаю и работаю! Сегодня в два часа буду читать в Центральном детском второй и третий акт, а затем сажусь за окончательную редакцию! Я решил читать предварительно, чтоб потом не вешали собак!..

У нас я в эти дни не бывал — мне там, собственно, и делать нечего! Жду писем! Крепко, крепко целую тебя и обнимаю! Всегда твой Саша.

Москва, 7 мая.
Валюшенька, родная моя, очень далекая и очень любимая!
Сел только писать тебе письмо, и вдруг пришел от тебя денежный перевод, — спасибо тебе, родной мой, любимый, только зачем же? Агаша тебя очень

благодарит и страшно растрогана, Аленка, разумеется, тоже, а я ругаю! Главным образом самого себя. Это я должен был послать тебе деньги, а не ты, но у меня все еще длится совершенно идиотский период ожидания, от которого я устал больше, чем от работы. Лежат четыре работы, все четыре находятся в стадии разрешения, а я хожу около и злюсь. В Москве настроение радостное. Имели затмение, а сейчас прошел слух о полной капитуляции Германии. Все счастливы, а мне ужасно грустно быть одному без тебя. Нам с тобой выпало на долю самое тяжелое, самое горькое и трудное, а вот теперь в дни праздников мы врозь! Несправедливо!..
Что бы ни случилось, всегда твои Саша и Алена!

Москва, 1 ноября 1951 г.
Валюша!

Я несколько дней тому назад вернулся в Москву со съемом и узнал, что доченька опять больна!

Что с ней?
Чем можно тебе помочь и что для этого нужно? Заранее поздравляю тебя с праздниками. Целую доченьку! Саша.

Родная моя золотенькая доченька!
Ты что же это опять болеешь? Как тебе не стыдно?!
Разве мы с тобой уговаривались болеть? Очень тебя прошу, солнышко мое, немедленно поправляться и не огорчать всех. А тут еще праздники скоро! А тут еще в школу надо ходить — пятерки получать! Ведь ты у меня отличница, правда!
Я крепко-крепко тебя целую и обнимаю, поздравляю тебя с праздниками.
Всегда твой папа Саша.